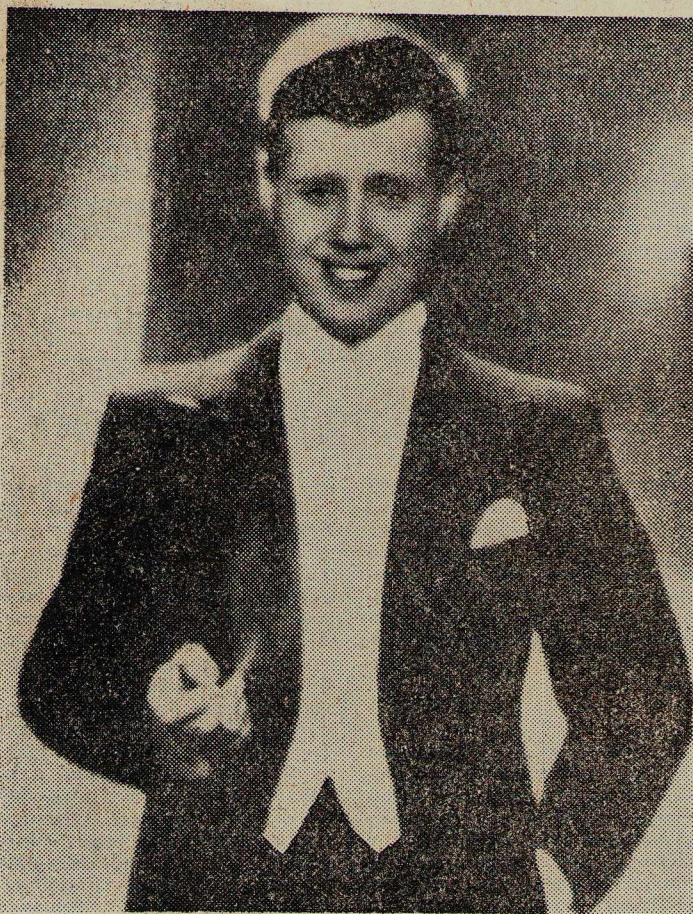


В «ГУДКОВСКОМ КУПЕ»

Певец Константин Соколовский



Послевоенные годы... Время надежд, трофейных кинолент, шумных танцплощадок и грамсамиздата. По радио целыми днями звучат песни, восхваляющие «распрекрасное наше житье» и мудрость вождя всех народов Сталина. А в городских дворах и на сельских «пятках» молодежь собирается у патефонов и стареньких радиол и упивается мелодиями довоенных лет с чудом сохранившихся заезженных грампластинок: песнями и романсами в исполнении Изабеллы Юрьевой, Клавдии Шульженко, Леонида Утесова, Вадима Козина.

С возвращением на родину фронтовиков фонотеки дворовых меломанов пополняются грампластинками, изданными за рубежом. В списки исполнителей добавляются новые имена, о которых старшее поколение слышало, но толком не ведало, кто они и откуда родом: Юрий Морфесси, Петр Лещенко, Константин Соколовский...

Мелодии, исполняемые ими, будоражили души, завораживали сердца слушателей. Грампластинок не хватало, и тогда мудрый народ наш пошел изобретать. Голоса любимых певцов, исполнявших пленительные танго и разудалые молодецкие песни, вскоре стали звучать и с желтоватых «ребрышек» — рентгеновских фотопленок, кустарно копировавших грамзаписи известных зарубежных фирм: «Парлафон», «Колумбия», «Беллакورد-электро», «Бонифон». Пленки были продуктом подпольного бизнеса, и прокручивать их в общественных местах строгой запрещалось, поскольку репертуар их относился тогда к разряду «салонно-кабацкому». Однако запреты лишь усиливали влечение к ним отверженных детей послевоенной культуры. В пятидесятых годах пленки грамсамиздата расходились многотысячными тиражами.

По-разному сложились судьбы этих исполнителей. 4 августа с. г. наша газета рассказала о жизненном и творческом пути Петра Константиновича Лещенко. Сегодня у нас в гостях — рижанин, ветеран русской и советской эстрады Константин Тарасович Соколовский, которому вчера исполнилось 84 года.

— Константин Тарасович, позвольте от имени моих коллег по редакции и наших многочисленных читателей поздравить вас с 84-м днем рожде-

ния и пожелать новых творческих высот в вашей артистической судьбе.

— Сердечное спасибо за поздравление и за «высоты».

Наверное, только природный оптимизм, да настойчивый характер помогли мне одолевать эти самые высоты на всех жизненных этапах. Думаю, мало кому пришлось так быстро прожить свою жизнь, как это выпало мне. Впрочем, везение тоже немаловажный фактор, и за это я благодарен судьбе.

— Как вы пришли к карьере певца?

— Я сын витебского крестьянина, и настоящая фамилия моя Кудряцев. А Соколовский — это артистический псевдоним. В ту пору было принято артистам выступать под псевдонимом, вот я и выбрал себе фамилию позвончей, которая ко мне и приросла. Так вот, отец мой выезжал на заработки в Петербург. Там, в столице, он женился, там и я родился. Затем отец вернулся уже с семьей в деревню. Позднее часть нашей Витебской губернии отошла к Латвии. Так я стал «латышом», а Рига — вот уже многие десятилетия — моей второй родиной.

Насколько себя помню мальчишкой, любил всегда петь. Пел, помогая отцу по хозяйству. Пел, разгружая вагоны с дровами, работая кочегаром, строителем мостов. После военной службы поступил грузчиком на склад фанерной фабрики, стал учиться в вечерней рабочей школе. Приобрел к самостоятельности, играл в пьесах, пел русские народные песни. Однажды попробовал выступить в получасовом дивертисменте в кинотеатре на окраине Риги. Спел несколько романсов. Всем понравилось. Директор кинотеатра предложил подписать контракт. Было это 9 сентября 1928 года. Тогда-то и появилась моя сценическая фамилия.

И вот уже Константин Соколовский исполняет русские, цыганские и испанские песни и романсы под гитару. А вскоре его принимают по конкурсу в музыкальный институт, по классу вокала. Получалось: днем работал грузчиком, а вечером выступал и учился.

В 1931 году К. Соколовский едет на гастроли за рубеж в составе рижского театра миниатюр «Бонзо». Его заметили: пресса, музыкальные профессионалы, импресарио. Тепло встретили поклонники русских песен и романсов в Румынии, Югославии, Венгрии, Чехии, Австрии.

— Константин Тарасович, насколько я знаю, вам везло в жизни на хороших людей. Вы были знакомы со многими знаменитыми актерами, певцами, музыкантами.

— Это верно. Я был первым исполнителем многих танго моего друга — «маэстро Танго» О. Строка и М. Марьянов-

ского, чьи «Черные глаза», «Голубые глаза», «Татьяна», «Вино любви» буквально облетели весь мир. В 1931 году в Ригу на гастроли приехала знаменитая русская певица Надежда Васильевна Плевицкая. Аккомпанировал ей Оскар Строк. Через него я познакомился с этой блистательной исполнительницей песен и романсов, умевшей предельно выразительно воплощать на сцене грани русского характера.

Будучи на гастролях в Румынии, я познакомился там с труппой актрисы МХАТа Елены Александровны Полевицкой. С большой радостью принял я предложение поступить в ее театр артистом на эпизодические роли. Школа мхатовцев дала мне многое. Впоследствии, когда пел в оперетте, это очень пригодилось.

— Какие партии вам довелось исполнять в оперетте?

— С успехом спел Данилу в «Веселой вдове», Бони в «Сильве», Ферфакса в «Гейше», Пиппо в «Маскотте» и другие. Щедрым даром судьбы явилась встреча К. Соколовского с Федором Ивановичем Шаляпиным в конце 1936 года в Бухаресте.

С душевным трепетом слушал я выступления непревзойденного певца и великого артиста. Гастроли его проходили с триумфом. И что любопытно, Ф. Шаляпин, где бы он ни появлялся, оценивал людей зарубежья по степени расположения их к русскому народу и нашему искусству. Долгие годы я дружил с Петром Лещенко, знал его семью. Голос этого артиста был божьим даром. Последний раз мне довелось видеться с ним перед войной. Много позже я узнал о его трагической судьбе.

Посчастливилось мне встретиться и с Александром Вертинским, человеком редкого дарования — талантливым певцом, прекрасным актером, поэтом и композитором. Феномен Вертинского для некоторых до сих пор загадка. О его «поющих» руках можно писать исследования. В 1935 году в Берлине он попросил меня напеть «под него» на пластинку «Чужие города» и «Палестинское танго». Причину столь странной просьбы не знаю (по натуре он был замкнут, холоден), но, вернувшись в Ригу, я выполнил ее.

Осенью 1936 года во время гастролей в Югославии я познакомился с талантливым певцом Юрием Спиридоновичем Морфесси. Он обладал удивительной способностью так увлекать аудиторию, что зал даже после исполнения не сразу решался разорвать тишину аплодисментами.

— В вашем репертуаре были песни И. Дунаевского. Как

они попали в довоенную Латвию?

— Как ни странно, но с его песен и началась моя карьера певца грамзаписи. В 1934 году на экраны Риги вышел фильм «Скрипач из Абрау» («Веселые ребята») с чудесной музыкой в ту пору еще не знаменитого И. Дунаевского. «Песню Кости» я тотчас включил в свой концертный репертуар гастролей в Европе. А вот танго из этого же фильма «Сердце» вскоре мне удалось напеть на пластинку рижской фирмы «Бонифон».

Позднее, когда я пел на фирме «Беллакورد-электро», композитор прислал из Москвы новое танго на слова Н. Агнiewiczа «Дымок от папиросы». А позже в 1940 году и сам пожаловал в Ригу.

Война перечеркнула все планы. В первые дни немецкой оккупации К. Соколовский уехал в деревню, работал в поле, на ферме. Потом ему удалось под другой фамилией устроиться в рижский театр «Фраскита».

— Да, многое тогда пришлось пережить. В 1944 году я был пойман немецкой жандармерией и посажен в лагерь для отправки в Германию. Выручила актерская находчивость, обманул немецкую комендатуру и убежал в лес. Там в землянке дожидался прихода советских войск.

— А что было после Победы?

— Руководил бригадой латвийских артистов. Мы выступали с концертами в Москве перед участниками Парада Победы, в Сталинграде, Ростове-на-Дону. Затем меня пригласили на должность художественного руководителя Русского ансамбля песни и танца «Аврора». В 1985 году ездили к воинам-железнодорожникам БАМа. Встречи с юными буквально омолаживают, всякий раз я чувствую прилив сил и энергии. Планы большие — времени на все не хватает.

На прощание Константин Тарасович берет мой блокнот и пишет: «Читателям старшей рабочей газеты «Гудок» мои наилучшие пожелания!

Конст. СОКОЛОВСКИЙ».

Высокий, седовласый мужчина энергично встает, подает мне руку, и я ощущаю крепкое пожатие. Бодрой, пружинящей походкой направляется он к выходу. Идет легко и стремительно, словно нет у него за плечами груза восьми с лишним десятилетий. И мне приходят на память строки Владимира Луговского:

«Так, значит, радость жизни существует.

Так, значит, забывать ее преступно!

Так заведем «Дымок от папиросы» — немного философское танго».

Беседу вел Ю. ВЕРЕЩАГИН.

НА СНИМКАХ: К. Т. Соколовский; фото 1934 и 1988 гг.

